

РАССКАЗ

СПАСИ МЕНЯ ОТ МЕНЯ САМОЙ

ЛЮДМИЛА ШТОРК-ШИВА

Людмила Шторк-Шива
Спаси меня от меня самой

«Автор»

2026

Шторк-Шива Л.

Спаси меня от меня самой / Л. Шторк-Шива — «Автор», 2026

Валя с раннего детства ощутила, что значит быть лишней, потом её сломали. Она жила в своей внутренней клетке, от которой никак не могла освободиться. В юности её посещали мысли о самоубийстве. "Если нет возможности освободиться, тогда может кардинально решить эту проблему?" - не раз приходила мысль. Но нашёлся другой выход...Рассказ написан на основе реальных событий. Но имена и некоторые события изменены. Так что если Вам показалось, что вы кого-то узнали - будьте уверены - вам показалось. :-)

© Шторк-Шива Л., 2026

© Автор, 2026

Людмила Шторк-Шива

Спаси меня от меня самой

Глава 1

Лето навалилось жарой и горьким запахом полыни. Жаворонки звенели где-то под самым синим куполом неба, будто кто-то невидимый тряс серебряными колокольчиками. Колхозные поля лежали ровные, золотые, а за ними начиналась степь — бесконечная, как обещание чего-то лучшего, что никогда не наступит.

Дом Вали стоял на отшибе, у старой посадки тополей. Днём они шумели от зноя, ночью — от прохлады, которая тянулась с далёкой речки. В семье Валя была шестой из девяти детей от Анны, второй жены Бруно.

Старшие уже работали в колхозе, но ещё жили под родительской крышей. Средние после школы бежали домой — в доме всегда хватало работы. После Вали росли две младшие сестрёнки и маленький Карл, который ещё путал, кто из родителей мама, а кто папа.

С самого рождения Валя была не такой, как все. Светло-каштановые вьющиеся волосы, большие зелёные глаза — будто кто-то случайно пролил краску в серую деревенскую жизнь. Как только девочка научилась крепко стоять на ножках, бабушка, мать Бруно, забрала её к себе. Баловала, защищала, называла «моей солнышкой».

В семье её быстро окрестили «бабушкиной дочкой». Анна сильно обиделась на дочь, не задумываясь о том, что ребенок был еще не в том возрасте, чтобы иметь возможность выбирать. Иона не простила Вале «предательства». Не имея возможности ответить свекрови, она вымещала всё на дочери.

— Раз ты выбрала бабушку, — резко бросала мать, если Валя просила её о чем-то, — вот к ней и иди проси.

Утро всегда начиналось одинаково.

— Вставай, лентяйка! — Анна дёргала одеяло. — Корова орёт, а ты спишь, как барыня. Валя открывала глаза под мычание Бурёнки и тяжёлые шаги отца во дворе.

— Анна, зерна курам подсыпь! — кричал Бруно от сарая. — Не жалея, вчера ещё мешок привёз. Скоро молодняк забивать, пусть отъедятся. Бульон жирнее будет.

Мать вздыхала, быстро поднимала взгляд к небу, будто стыдясь перед Богом за мужа.

— Gott sieht alles (Бог видит всё), Бруно... Поостерётся бы ты, - иногда говорила она Бруно.

— Молчи, женщина. Много ты понимаешь, — отрезал отец и заводил трактор. ДТ-54 урчал низко, надсадно, как старый дед, который кашляет по утрам.

Днём Бруно работал честно: пахал, сеял, боронил. Пыль въедалась в брови, в потную рубаху. К вечеру он возвращался рыжий, как степной призрак.

За ужином все - дети и жена сидели чинно, не притрагиваясь к еде, пока отец не возьмёт первую ложку. Генрих, уже почти взрослый, однажды спросил тихо:

— Пап, а сегодня ночью поедешь?

Бруно бросил на него тяжёлый взгляд:

— А тебе зачем знать? Меньше знаешь — крепче спишь.

Валя молчала. Ей было всего шесть, но она уже понимала: ночные поездки — это не переработки. Это мешки с зерном, початки кукурузы, сено — всё, что прятали в сарае или закапывали за огородом.

Однажды вечером, когда солнце окрашивало степь в густой оранжевый, к их дому от основной дороги свернула машина. Не «Волга», а старенькая «Победа», но пыль поднялась такая же — рыжая, густая, как дым.

— Бруно! Легковушка! — крикнула мать в окно.

Отец выскочил белый, как мел.

— Все в дом! Быстро!

Генрих схватил лопату. Валя прижалась к младшей Лизе в тёмном углу комнаты. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на улице. В это время уже не расстреливали за несколько початков кукурузы с колхозного поля. Но наказание за воровство было строгим. А в доме Бруно было очень много колхозного добра. И все в семье знали: если отца арестуют — это будет надолго.

— Валя, а если папу заберут? — шептала Лиза, дрожа.

— Не заберут... — ответила Валя, глядя сестру по голове. Хотя сама едва дышала от страха.

Машина медленно проползла по просёлку, развернулась и уехала. Никто не вышел. Просто кто-то заблудился. Когда звук мотора растаял, мать тихо заплакала.

— Сколько можно так жить, Бруно? Сколько?

Отец сел на лавку. Руки у него тряслись.

— А как иначе? В колхозе копейки. Без этого мы бы с голоду померли. Ты хочешь, чтобы дети в лаптях ходили?

— Я хочу, чтобы ты не воровал, — прошептала Анна. — И чтобы дети не боялись каждой машины.

— Страх — это нормально, — отрезал Бруно. — Страх держит в живых. А как я буду кормить всех вас, бабы? Мальчишки хотя бы сами могут заработать себе на еду. А на вас, бабы, я — один.

В ту ночь Валя долго не могла заснуть. Слушала, как отец уходит к трактору, как урчит мотор, как шуршат мешки. И она уверила себя в том, что она и все женщины в семье виноваты в том, что отец ворует. Ведь он сам сказал, что мальчишки сами могут себя прокормить, а девочек приходится кормить отцу. Значит, именно она виновата в грехе отца. Утром в кормушках появлялось «лишнее» сено. В закромах — зерно. Никто не спрашивал откуда.

Именно тогда, ещё не умея назвать это словами, Валя начала учиться главному правилу своей жизни: если что-то плохо — значит, она в чём-то виновата. Если маму ударили — значит, мама плохо себя вела. Если отец злой — значит, дети плохо себя вели. Если страшно — значит, она недостаточно послушная.

«Если наказана — значит, подделом», — повторял отец, когда поднимал руку. Девочкам доставалось чаще. Мальчики были продолжением его самого. А женщины... женщины были для работы, для послушания и для того, чтобы было на ком сорвать накопившуюся злость.

— У бабы мозги всегда набекрень, если время от времени не дать ей подзатыльник, — учил он сыновей.

А степь жила своей жизнью. Осенью подсолнухи горели жёлтым до горизонта. Зимой снег лежал чистый и ровный. Весной, когда дорогу размывало, легковушки почти не ездили. Эти месяцы были самыми спокойными.

Иногда ранним утром Валя выходила на крыльцо. Солнце только касалось верхушек тополей, ветер нёс запах влажной земли. И на один короткий миг ей казалось: можно начать всё заново. Без ночных мешков. Без пыли от чужих машин. Без вечного чувства вины.

Но потом раздавался голос матери:

— Валя! Накорми уток и кур!

И мир возвращался «на круги своя». Потому что даже корм для птицы был краденым. И потому что ребёнок ещё не знает, что бывает другая жизнь.

..Многие из родственников и соседей знали, что в субботу вечером Бруно всегда напиивался. Так он снимал стресс, накопившийся за неделю. И это ещё больше затягивало петлю на шею всей семьи.

К тому времени менонитская община в их районе почти исчезла. Большинство немцев перешли в баптистскую церковь — решили, что это направление ближе к их сердцу. Но Бруно упорно продолжал называть себя менонитом, хотя Библию не держал в руках уже много лет, а в церкви появлялся раз в несколько лет — только на Рождество или Пасху.

— Что там слушать? — возмутился он, когда родственники приглашали его на собрание. — Хоть к баптистам, хоть к менонитам — вечно одно и то же: «Христос воскрес, Христос воскрес». А если уж захочу в церковь сходить, так лучше в нашу, родную, менонитскую.

На самом деле он никуда не собирался. Бруно прекрасно знал, что каждую неделю нарушает главную заповедь — «не кради». Знал, что с женой и детьми обходится не по-Божески. И совесть — та самая «совместная весть» из детства, голос родителей и Бога, заповеди Которого он когда-то слышал в старой менонитской молитвенной комнате — иногда тихо стучала в грудь.

Но Бруно быстро и умело заглушал этот стук. Водкой. Работой. Гневом. Главное — не слушать. Главное — не признавать.

А Валя этого ещё не понимала. Она просто чувствовала: в их доме есть что-то неправильное, чего даже Бог, наверное, не любит. И она ощущала себя виновной в том, что это неизвестное «чёрное пятно» живёт в их доме. И от этого становилось ещё страшнее.

Глава 2

Однажды летом старший брат нашёл Валу в сарае одну. То, что произошло там, длилось недолго, но навсегда отпечаталось в ней тяжёлым, липким стыдом. Когда он наконец отпустил её, Валя выскочила наружу, будто из горящей избы. Ноги сами понесли её за сарай, дальше, в сторону степи.

С раннего детства Вали, видя яркость её красоты и зная атмосферу в доме, именно этого боялась бабушка, закрывая девочку в своей комнате. Но пожилая женщина не задумывалась о том, что выделяя малышку, как свою любимицу, ставит её в трудное положение, настраивая всю семью против неё. Пока бабушка защищала Валу, всё было терпимо, хотя не раз даже мать напоминала Вале, осуждая, что она выбрала бабушку вместо матери. Но Анна не думала о том, что в свои два-три года дочь ещё не могла выбрать. И за неё выбор сделала бабушка. И всё же не только дети, но даже мать осуждала не бабушку, а саму Валу за этот выбор.

Теперь она бежала в степь, пока не начала задыхаться. Остановилась только среди высоких сухих трав, где никто не мог её увидеть. Солнце всё ещё стояло высоко, но девочке казалось, что мир потемнел. Она опустилась на тёплую землю, обхватила колени руками и долго-долго плакала — тихо, чтобы никто не услышал. Слезы текли по щекам, смешивались с пылью и соплями, а она всё размазывала их ладонками, будто пыталась стереть с себя то, что теперь прилипло внутри.

Валя чувствовала себя грязной. Не снаружи — это можно было отмыть в речке. Грязной изнутри. Как будто брат оставил на ней невидимую, вонючую метку, которую теперь все увидят. Больше всего ей хотелось отрубить свои руки, но она боялась, что не выживет без них.

«Я сама виновата, — стучало в голове. — Я не кричала достаточно громко. Я не убежала. Я испугалась и послушалась его. Значит, я плохая. Грязная девочка».

Она подняла глаза на степь.

Степь молчала. Бесконечная, золотисто-зелёная, она лежала вокруг, равнодушная и спокойная. Жаворонки продолжали звенеть где-то высоко, ветер шевелил полынь, подсолнухи вдалеке поворачивали тяжёлые головы к солнцу. Никто не смотрел на неё с жалостью. Никто не спрашивал: «Что с тобой, маленькая?» Степь просто наблюдала — холодно, отстранённо, как смотрит старый властитель, которому давно надоели все человеческие беды. И от этого равнодушия становилось ещё больнее. Даже родная земля, казалось, отвернулась.

«Никому я не нужна, — думала Валя, прижимаясь щекой к тёплой земле. — Даже степи. Даже Богу».

Когда слёзы закончились и осталось только тяжёлое, пустое дрожание внутри, она медленно побрела обратно к дому. Если бы она могла убежать куда-нибудь, на край земли, то обязательно убежала бы. Но она была всего лишь маленькой девочкой и не могла сама позаботиться о себе, и потому возвращалась в дом, боясь своего позора. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая тополя в оранжевый. Валя вошла во двор, опустив голову, боясь поднять глаза на кого-нибудь.

Бабушка стояла у крыльца. Одного взгляда на заплаканное лицо, на мятую, испачканную одежду и опущенные плечи внучки ей хватило. Она всё поняла. Она поняла даже то, чего не случилось. Она не стала разбираться или уточнять детали.

Но вместо того чтобы обнять, вместо привычного «Иди ко мне, солнышко», бабушка резко отшатнулась. Её губы сжались в тонкую линию.

— Если ты согласилась на такую грязь, — сказала она холодно и жёстко, — тогда больше не приходи ко мне в комнату. Иди к матери.

Дверь в бабушкину часть дома захлопнулась перед Валею с тихим, но окончательным стуком. В этот момент шестилетняя девочка почувствовала, как внутри неё закрывается ещё одна дверь. Последняя, дверь комнаты, где раньше было тепло. Теперь не осталось ни одного места, где её могли бы просто пожалеть. Ни одного человека, который встал бы на её сторону.

Она стояла посреди двора, маленькая, грязная, никому не нужная, а за спиной равнодушно шумела степь. С этого дня Валя ясно поняла, что она в этом доме не нужна никому.

Конечно, нужны её руки, её работа, когда она кормит кур или даёт сена коровам, или когда она моет и вычищает пол в доме. Её труд, как и труд всех детей, здесь всегда был в цене. Но её душа, её страх, её слёзы — не нужны никому. Даже мать обычно предпочитала, чтобы в кухне ей помогал кто-нибудь другой из девочек. Она старалась давать Вале поручения вне дома, чтобы не приходилось общаться с этим ребёнком. Мать не думала о том, как её поведение влияет на дочь. Она просто видела в этом ребёнке свою надломленность и не хотела это видеть. Анна не задумывалась, почему другие девочки в семье не настолько сильно сломлены, хотя тоже часто были побиты отцовским ремнём? Женщина просто старалась выживать как могла, почти не замечая ничего и никого вокруг.

Отец часто повторял, особенно когда злился на мать или на дочерей:

— Баба должна молчать. Бабы все — грязные. И только работа делает вас нужными. А ещё... ну, когда подрастёте, узнаете, чем можете быть полезными в жизни.

Валя слишком рано поняла, что означает эта последняя фраза. И брат не раз напоминал ей об этом — взглядом, ухмылкой, коротким прикосновением, когда проходил мимо. А иногда он снова находил её в тех местах, где их никто не мог увидеть и услышать и заставлял её повиноваться.

Но она заметила важное: он старался ловить её только тогда, когда рядом никого не было. Значит — боится. Эта маленькая трещина в его власти дала ей первую, ещё слабую надежду. Валя училась выживать. С тех пор она перестала ходить в сарай или на сеновал одна.

Она стала брать с собой кого-нибудь из младших. Уговаривала Лизу или маленького Карла, придумывая хитрости, доступные шестилетнему ребёнку:

— Пойдём со мной, я потом поделюсь, когда мама даст конфету...

— Я покажу тебе волшебное стеклышко — через него солнце становится красным, как огонь...

— Там под шифером гнездо, я видела птенцов!

Младшие соглашались. Они ещё не понимали, почему старшая сестра вдруг так сильно хочет их компании. А Валя шла рядом, держа кого-то из них за руку, и внутри у неё всё дрожало от напряжения. Она улыбалась им, а сама прислушивалась к каждому шороху, к каждому шагу за спиной.

Чаще всего брат, увидев целую стайку детей, уходил раздосадованный, бросив на Валю тяжёлый, обещающий взгляд.

Она выигрывала каждый маленький бой. Но цена была высокой. Всякий раз, возвращаясь в дом, она чувствовала себя ещё более одинокой. Она научилась защищаться — и одновременно ещё глубже спряталась внутри себя. Ещё одна невидимая клетка закрылась: теперь даже собственная хитрость напоминала ей, что она живёт в мире, где нужно постоянно быть начеку. Где нельзя доверять. Где даже сарай, где раньше пахло сеном и теплом животных, стал местом опасности.

И ей казалось, что нет в мире никого, кто мог бы защитить её ни от какой опасности. Даже Бог, о котором иногда говорила мама, казался далеко-далеко, где-то за равнодушной степью. Но Валя уже нашла свой маленький секрет выживания: если держаться в компании, даже среди тех, кто слабее неё, тогда эта сплочённость хоть немного защищает. И она научилась быть нужной. Научилась делать так, чтобы рядом с ней хотелось быть.

Она придумывала игры, истории, маленькие чудеса: то цветное стеклышко, через которое солнце становилось волшебным, то тайное гнездо под крышей сарая, то «клад», который они якобы закопали прошлым летом. Она улыбалась, даже когда внутри всё дрожало, рассказывала, показывала, делилась последним кусочком. Лишь бы не оставаться одной. Лишь бы вокруг всегда были голоса, шаги, чужие тени.

Видя, что бабушка, не задумываясь о последствиях своих действий, случайно настроила всю семью против Вали, самая старшая сестра стала иногда защищать её, поддерживала, как могла. Валя не могла рассказать Герде о своём позоре, но для неё было жизненно важно, что хоть кто-то в этом доме проявляет о ней заботу.

Наконец пришло время идти в школу.

И это стало для Вали первым настоящим глотком свободы. В школе не нужно было кормить кур, таскать ведра или полоть бесконечные грядки. Можно было просто сидеть за партой, слушать учительницу и чувствовать, как голова работает легко и радостно. Валя запоминала всё с первого раза. Стихи, задачки, истории про далёкие страны — всё ложилось в неё, как семена в тёплую землю. Учительница даже удивлялась:

- Какая способная девочка! Удивительно для этой семьи. Старшим обучение туго давалось.

Но радость была недолгой.

Приходя домой, дети сразу попадали в привычный круговорот работы: поле, сарай, виноградник, огород. Домашние задания делать было некогда. Иногда Валя пыталась писать уроки поздно вечером, при тусклой лампочке, но глаза слипались, а буквы прыгали перед глазами, руки дрожали от усталости. Чаще всего она просто засыпала над тетрадкой.

Оценки честно рассказывали правду о её жизни.

- Да ты хоть бы что-то делала! - кричала на неё учительница среднего звена. - А то, смотришь в книгу — видишь... фигурально выражаясь... ничего! Ну что ты уставилась на меня, как баран на новые ворота! Решай задачу! Ты хоть что-то можешь сделать нормально?

Зимой, когда работы было меньше, Валя иногда приносила домой пятёрки и четвёрки. А осенью и весной, когда земля требовала всего времени, что у неё было, — сплошные тройки и двойки. Классная руководительница только вздыхала, ставила отметки и ничего не спрашивала. Она знала, как живут дети в таких семьях.

Валя же чувствовала: даже здесь, в школе, где она впервые ощутила, что может быть хорошей, она всё равно остаётся «грязной девочкой» из того сарая. Даже хорошие оценки не могли смыть это чувство. Особенно ужасно было слушать слова брата:

- Ты — моя сестрёнка «золотые ручки».

Никто не подозревал, что простой комплимент может быть настолько грязным. Но Валя не слышала в этой фразе ничего, кроме грязи.

Однажды Валя случайно услышала, как старшеклассницы на перемене обсуждали тему, о которой в их доме было строго запрещено говорить. Она стояла за углом и вся превратилась в слух. Слова девочек падали в неё, как капли в пересохший колодец. Для неё это было важнее всего на свете — узнать, как устроен этот страшный мир, и можно ли от него защититься.

Через несколько дней старший брат догнал её, когда она одна шла домой от большой дороги. Как Валя ни старалась в тот день найти себе попутчика, ничего не вышло. Единственное, что немного успокаивало — дом был уже виден, окна смотрели прямо на них.

Но брат вдруг резко потянул её за рукав в сторону сарая.

— Нет! Я не пойду с тобой! — почти крикнула Валя, вырываясь. — Я всем расскажу, что ты делаешь! За такое сажают в тюрьму, а там с такими, как ты, творят всякое!

Брат остановился. На его лице появилась язвительная, взрослая усмешка.

— И что же там с нами творят, а? Тупая девчонка... Да никто никогда ничего не докажет. Ни одна экспертиза. Я знаю, что делаю. А если ты хоть слово кому ляпнешь — я всем расскажу, что это твои большие фантазии. Ты просто опозоришься на всю деревню, а я здесь ни при чём.

Валя растерялась. Голос брата звучал так уверенно, так страшно-правдиво. Она действительно ничего толком не знала — только обрывки фраз из разговоров старших. Сердце кололось где-то в горле. На секунду ей захотелось сдаться, привычно спрятаться в себе и молчать.

Но в этот раз что-то внутри неё не позволило.

— Ну и пусть... — дрожащим, но упрямым голосом ответила она. — Пусть опозорюсь. Но я буду орать и махать руками. Все из дома увидят, что ты делаешь что-то плохое!

Брат на миг опешил. Он явно не ожидал такого сопротивления от всегда тихой и запуганной сестры. Его пальцы сильнее сжали её рукав, глаза потемнели.

Валя стояла, маленькая, хрупкая, но уже не такая беззащитная. Внутри неё одновременно жило два чувства: смертельный страх и странное, новое, обжигающее ощущение — она больше не хочет просто терпеть. Она осознала, что ненавидит родного брата всеми силами души. И от этого становилась страшно. Теперь она ощутила себя не только грязной, но и очень — очень злой!

С этого дня Валя поняла: он больше не посмеет. Пытка закончилась. Брат что есть силы сжал её тонкое предплечье, так, что пальцы наверняка оставили синяки. Глаза его горели злобой.

— Ненавижу тебя, грязная девчонка! — процедил он сквозь зубы и резко отпустил руку. Потом быстро зашагал к дому, обгоняя сестру, словно боялся, что если задержится ещё хоть на секунду, то не сдержится и ударит её, наотмашь в лицо. И тогда придётся родителям объяснять причину своего внезапного гнева. Ведь из дома все видели, что он лишь несколько мгновений назад догнал сестру. А значит разозлить его она не успела бы.

Валя остановилась посреди пыльной дорожки. Сердце всё ещё колотилось, ноги дрожали, но она не шла дальше. Просто стояла и прислушивалась к себе.

Внутри неё кипела злость. Жгучая, незнакомая, почти сладкая. Эта злость и какое-то отчаянное, граничащее с безразличием «а будь что будет» — вот что позволило ей победить. Если бы раньше кто-то сказал ей, что злость может быть хорошей, она бы ни за что не поверила. Злость всегда была для неё чем-то плохим, запретным. А теперь она вдруг стала щитом. Первым настоящим щитом в её жизни.

Это была её первая победа.

Маленькая, горькая, одинокая победа. Она не принесла ни радости, ни облегчения — только странную, тяжёлую пустоту. Как будто Валя выиграла бой, но при этом потеряла ещё одну часть себя. Часть, которая раньше умела только бояться и молчать.

Она медленно подняла руку, закатила рукав и посмотрела на красные следы от пальцев брата. Потом перевела взгляд на степь. Та, как всегда, молчала. Равнодушная, бескрайняя, холодная.

Но на этот раз Валя почувствовала внутри себя что-то новое. Маленькую, ещё очень слабую, но свою собственную силу. И вместе с ней — новую клетку. Клетку, в которой теперь жила злость, отчаяние и понимание: чтобы выжить, иногда нужно становиться той, кого она раньше боялась в себе: яростной, злой, отчаянной.

Герда увидела перемену в поведении сестры. Она попыталась сказать Вале, что вряд ли злость поможет ей в жизни. Но Валя с горящим взглядом ответила:

- Поможет! И уже помогает!

- Но ты же поссоришься со всеми еще сильнее, - напомнила Герда. - Но мы же все — твоя семья.

- Ладно, - подумав вздохнула Валя. - Наверное, не на всех и не всегда нужно злиться.

- Ты права, малышка, - кивнула Герда.

С этого времени Валя старалась увидеть, где можно проявить гнев, чтобы не навредить более слабым и не испортить себе жизнь. Но от старшего брата она теперь знала, как защищаться. Огласка оказалась единственным оружием против его посягательств.

Глава 3

Когда Вале исполнилось двенадцать, она уже полностью понимала, что произошло с ней шесть лет назад. Брат не просто тронул её тело — он сломал ей душу и испачкал сознание. При этом на теле не осталось ни единого следа, который можно было бы предъявить в доказательство его поступка. Она действительно ничего не смогла бы доказать.

Старшие девочки в школе иногда шепотом обсуждали такие вещи. Валя ничего о себе не рассказывала — только слушала и задавала осторожные вопросы. И чем больше она узнавала, тем яснее понимала: брат был прав. Он вышел бы сухим из воды. Отец всегда вставал на сторону сыновей. А девочки и женщины в их доме были виноваты по умолчанию — во всех возможных и невозможных грехах.

Тогда Валя придумала себе новую вину. Теперь она считала себя виноватой в том, что послушалась, но не оставила ни одного доказательства. В том, что позволила себя сломать так внешне незаметно и бесследно.

Её сознание формировалось искореженным, как маленькие «Жигули», в которые на полной скорости врезался тяжёлый грузовик. Что-то внутри было безнадежно смято, сдвинуто, разорвано — и всё это продолжало ехать дальше, делая вид, что машина цела.

Незадолго до Рождества, когда снег уже укрыл степь ровным белым покрывалом, в их доме произошло важное событие. Родственники пригласили проповедника — доброго и искреннего человека, который приехал в общину. На этот раз Бруно не смог отказать. Он решил «изобразить правильного»: разрешил проповеднику прийти и даже сам остался в большой комнате, чтобы послушать.

Проповедник говорил горячо, с настоящей верой. Он говорил, что Бог любит каждого в этой большой и непростой семье, и призывал всех к покаянию. Бруно дослушал до этого момента, тяжело поднялся и вышел из комнаты. Каяться Бруно не планировал, ни сейчас, ни в будущем. Остальные остались. Старшие сыновья последовали за отцом, оставив младших с матерью в комнате с проповедником.

Все младшие дети молились долго, горячо, со слезами. Валя тоже плакала — сильно, навзрыд. Она просила у Бога прощения за все свои грехи. Но даже сквозь слёзы в голове билась одна и та же мысль:

«А если я прошу прощения за то, в чём виновата не только я... Бог прощает? Я могу стать хоть немного чище, если покаюсь, но так и не расскажу никому, что со мной случилось?»

Проповедник почувствовал, что эту худенькую, удивительно красивую девочку с большими зелёными глазами что-то мучает даже после молитвы. Он мягко спросил:

— А ты покаялась от души или от сердца?

— Не знаю... — растерялась Валя.

Она действительно не понимала разницы. И уж точно не решилась рассказать правду. Как можно рассказать, если доказать всё равно ничего нельзя?

После того семейного покаяния проповедник пригласил всех приходить в баптистскую церковь. К удивлению Анны, Бруно согласился отпустить семью. Иногда он даже сам приходил на служения — особенно когда в общину приезжал тот самый добрый проповедник. Бруно он почему-то понравился.

С этого времени в семье кое-что изменилось, хотя и не так сильно, как хотелось бы. Бруно продолжал воровать колхозное добро, но делал это уже без прежнего азарта. Он стал пить заметно реже, и почти перестал поднимать руку на жену и детей. В доме стало чуть теплее, будто кто-то приоткрыл форточку в душной комнате.

Анна теперь каждое воскресенье водила детей на богослужения. Иногда Валя уходила на собрания даже по будням вечером и отец не запрещал, несмотря на то, что в это время дочь не работала. Там, под простые, но искренние пения и проповеди, ей становилось немного легче. На короткое время тяжёлый ком в груди ослабевал, и она могла дышать свободнее.

Но внешне Валя почти не изменилась. Она по-прежнему ходила, как молодая старушка: плечи опущены, голова опущена, взгляд не выше бордюра. При каждом резком звуке она испуганно вздрагивала, будто её ударили.

И только однажды, когда подруга Нина пригласила её в город и они вышли на балкон десятого этажа, Валя спокойно подошла к самым перилам, облокотилась и долго смотрела вниз.

— Ты что! — испугалась Нина. — Даже я боюсь так близко стоять, перила кажутся ненадёжными.

— Да нет, нормально, — спокойно ответила Валя. — Совсем не страшно.

В голове у неё в тот момент тихо звучала другая мысль:

«Если я случайно сорвусь... будет даже хорошо. Может, убьюсь насмерть, но в ад не попаду, я же всё-таки «покаянная». Это же будет не самоубийство. Зато всё это наконец закончится...»

Валя верила так, как её научили. Она попросила прощения у Бога за свои грехи и поэтому, если её жизнь вдруг внезапно оборвётся, тогда она будет с Богом на небе. Но она не могла покончить с собой, ведь это был бы последний серьёзный грех перед самой смертью. И тогда она не успела бы раскаяться в нём. И поэтому самоубийство она не рассматривала. Но с радостью призывала случайную внезапную смерть. Она очень сильно устала от тяжести бесконечной вины и от безысходности.

Через некоторое время Валя попросила братьев в церкви крестить её. Те переглянулись и осторожно ответили:

— Походи ещё на собрания, сестра. Читай Библию. Тебе ведь ещё нет восемнадцати. Не торопись.

Валя знала, что некоторых молодых людей крестили и раньше, если старшие братья видели искренность и твёрдость решения служить Богу. Значит, дело было в ней самой.

«Они чувствуют, что я грязная, — думала она с болью. — Значит, Бог меня не простил. Не очистил».

Эта мысль доводила её до отчаяния. Ночью подушка часто становилась мокрой от слёз, но облегчения не приходило. На сердце лежал тяжёлый, липкий груз вины. И Валя никак не могла понять: эта вина настоящая или выдуманная? Можно ли от неё когда-нибудь очиститься? Или она так и останется «грязной девочкой» навсегда — даже если будет ходить в церковь, изучать Библию, молиться и петь псалмы?

Праздник Рождества прошёл светло и торжественно. В церкви участвовали и дети, и взрослые. Звучали красивые песни, стихи, горячие молитвы и рассказы о том, как родился

Христос. Рассказывали о пастухах, услышавших ангельское пение, и о волхвах, которые шли за звездой через пустыню.

На улице шел настоящий рождественский снег — пушистый, мягкий. О укрывал степь белым покрывалом, а снежинки кружились в воздухе, словно в сказке. Всё вокруг сияло и радовалось.

Но Валя видела этот праздник словно через сильно затемнённые очки. Она старалась взглянуть в лица людей, улыбки, горящие глаза, слушала прекрасные песни и трогательные истории — и не могла пробиться к той светлой, чистой радости, о которой так много говорили в церкви. Радость была где-то рядом, она касалась всех, кроме неё.

Валя улыбалась, когда нужно было улыбаться, пела вместе со всеми. Но внутри оставалась всё та же тяжёлая, серая пустота. Она, словно тряси́на, поглощала всё, что на неё попадало и все попытки ощутить радость, исчезали в ней, словно попадали в черную дыру космоса. Самое важное — то светлое, живое, о чём говорил проповедник, — упорно ускользало от неё.

«Почему я не могу радоваться? — думала она, глядя на кружащиеся снежинки. — Все вокруг светлеют, а я... как будто внутри меня осталась та же грязь. И снег её не может покрыть. И, кажется, что и моё покаяние не изменило мою душу, не очистило... Или я что-то делаю не так, или же они прикидываются счастливыми?»

Даже в самый светлый праздник её клетка оставалась плотно закрытой. И чем дальше, тем сильнее Валя боялась, что так будет всегда.

Иногда ей даже казалось, что эта клетка не только тюрьма, но и защита. Страшно было представить, что однажды она сможет жить без неё. В своём страдании Валя находила странное, горькое утешение. Ей казалось, что страдающий человек не должен, даже не имеет права быстро двигаться вперёд, искать своё место и предназначение. Страдать — значит быть на своём месте. Быть заметной Богу. Быть хоть в чём-то оправданной.

Дома почти ничего не изменилось. Семья по-прежнему «тюкала» Валю за малейшую оплошность. Отец, как и раньше, напоминал всем дочерям:

— Женщина — самое бесполезное существо на свете. Только работой по дому она может хоть немного оправдать своё существование. Ну и... когда вырастете, сами узнаете, для чего ещё годитесь.

Он никогда не договаривал до конца, но Валя уже давно всё поняла. Эти намёки больше не были для неё тайной, несмотря на её юный возраст.

Довольно скоро после того, как семья начала регулярно ходить на богослужения, открылись границы СССР. Они подали документы на выезд в Германию. Сначала Бруно, Анна и старшие дети ждали ответа с робкой надеждой и страхом. Им хотелось уехать, но было страшно начинать жизнь в стране, которую они знали только по рассказам. Ни они, ни даже их родители никогда там не жили. Младшие дети понимали, что грядут перемены, но они не знали, чего ждать и потому — просто жили, как обычно, день за днём.

Прошло два-три месяца. Потом полгода. Сначала все ждали, переживали. А вдруг власти найдут какую-нибудь причину и откажут в выезде? Но постепенно страсти улеглись. Человек не может долго жить в постоянной тревоге. И они почти перестали ждать. Жизнь вернулась в привычную колею, и о переезде почти перестали говорить. Почти год семья жила так, будто они не собирали документы на выезд и никакого конверта никогда не будет.

И вдруг он пришёл.

Обычный почтовый конверт, который изменил всё. В это время Валя закончила восьмой класс. В её табеле краснели двойки, но годовые оценки чаще всего ставили тройки «с натяжкой», лишь бы не оставлять на второй год. Учителя вздыхали:

— Наверное, твоя классная руководительница в начальной школе выдавала желаемое за действительное. Видела способности, которых на самом деле нет...

Валя и сама была в этом уверена. Она не способная. Грязная. Сломанная. И теперь ещё и глупая. Клетка становилась всё теснее, а стены — всё толще.

Глава 4

За несколько лет до того, как в почтовом ящике появился тот судьбоносный конверт, в жизни семьи произошли большие перемены — невидимые постороннему глазу, но очень ощутимые внутри дома.

Старший брат, тот самый, что когда-то сломал Валю в сарае, к тому времени уже женился и жил отдельно, легко забыв обо всём, что сделал с сестрой. Он не считал свои поступки в юности чем-то серьёзным. Когда в очередной раз на служении проповедник пригласил выйти вперёд всех, кто хотел бы посвятить свою жизнь Богу, он вышел вместе с многими молодыми людьми, поддавшись общему порыву. Произнеся молитву покаяния, он решил, что прошлое можно простить самому себе и забыть. Так он и сделал, не спросив у сестры, может ли хоть что-то исправить? Он не менял установку отца, что с женщинами вообще можно не считаться, что они появляются на свет только для того, чтобы обеспечивать мужчинам удобства и ублажать их. Он не интересовался тем, что написано в Библии об этом. Это просто не входило в сферу его интересов. И позже стало понятно, что его покаяние не дало здоровых плодов и он сломал собственную жизнь, даже посещая церковь. Ведь закон «что посеешь, то пожнёшь» работает вне зависимости от того, посещает ли человек храмы, церкви или другие помещения... Он просто работает во Вселенной...

Друзья из церкви взяли его в свою бригаду строителей и научили всем премудростям. Летом они уходили «на шабашки» — строили дома частникам, беря отпуск без сохранения содержания. Власти тогда уже смотрели на это сквозь пальцы, хотя официально частного предпринимательства всё ещё не существовало. Мужчины где-то «числились» — сторожами, дворниками, кочегарами. Иногда их жёны или родственники выходили за них на смены, пока они были в отъезде. Иногда за них отрабатывали совсем посторонние люди по их трудовой книжке. Ведь если человек брал вторую работу, используя свою трудовую книжку, тогда с него требовали выполнения обязательств полностью, но на второй работе платили только половину зарплаты, вторая половина зарплаты уходила государству. И поэтому те, кто не хотел уезжать на заработки, но и нуждаться не хотел — с радостью работали по трудовой книжке кого-то из братьев по вере. Взаимовыручка была привычной и обыкновенной в этой общине.

Старший брат Вали постепенно подтянул за собой двух средних братьев, а потом и отца.

Бруно сначала сопротивлялся, ворчал, что «это всё баловство», но, увидев, сколько денег привозят сыновья за одно только лето, сдался. Он всегда был мастеровитым — свой дом когда-то ставил почти в одиночку. Теперь он быстро освоился и стал хорошим каменщиком. Ловко и красиво выкладывал стены из кирпича и шлакоблока, ругался на плохой раствор и учил сыновей «делать по-человечески».

Дома стало заметно больше денег. Появились новые вещи, лучше еда, даже кое-какая одежда, которую раньше шили только из того, что удавалось достать. Но главное — изменился ритм жизни. Летом мужчины исчезали на месяцы. Возвращались загорелые, уставшие, с толстыми пачками денег, пропахшие цементом и древесиной. Для Вали самым важным было то, что с момента, когда сходил снег и до нового снега, в доме стало тихо — ни скандалов, ни громких, требовательных мужских голосов. Дома оставались только младшие мальчишки, которые еще не умели вести себя как отец — требуя, чтобы все делалось быстро и точно так, как он сказал. И даже мать летом всегда становилась более смелой. Ведь ей нужно было держать в послушании тех мальчиков, которые оставались дома. Иона даже научилась раздавать команды.

Валя наблюдала за всем этим молча.

Она видела, как отец, который ещё недавно крал колхозное зерно ночами, теперь с гордостью рассказывал, как «честно» зарабатывает на строительстве. Как он осуждал государство,

которое «обкрадывает людей», и при этом сам не платил ни копейки налогов с этих заработков. «Они нас всю жизнь доили, теперь наша очередь», — повторял он.

Для Вали это звучало странно и пугающе. В церкви говорили о честности, о том, чтобы не красть, отдавать кесарю кесарево. А дома мужчины спокойно нарушали законы и чувствовали себя при этом правыми. Ещё одна клетка. Ещё одно правило, которое менялось в зависимости от того, кому было выгодно. Она не оправдывала государственную систему. Ведь с той стороны тоже всё было не честно. Но и отца с братьями тоже не могла оправдать — они нарушали закон и были «в красной зоне».

Но были и плюсы. Когда мужчины уезжали на заработки, в доме становилось тише. Меньше криков, меньше тяжёлых взглядов, меньше намёков. Мать ходила чуть ровнее, меньше вздрагивала. А Валя могла иногда позволить себе чуть больше — почитать книжку вечером, посидеть с младшими, просто помолчать, не боясь, что сейчас её окриknут, обвинив в бездействии или даже ударят.

Лето без мужчин в доме было особенным.

Когда отец и старшие братья уезжали на шабашки, в доме словно открывали окна, которые обычно держали наглухо закрытыми. Тишина приходила не сразу — сначала ещё несколько дней Вале казалось, что она слышит тяжёлые шаги по привычке, но потом даже они растворились в жарком воздухе.

Первый день после их отъезда на «шабашку» в первое лето показался самым странным. Мать ходила по дому чуть легче, будто боялась, что муж вот-вот вернётся и начнёт проверять, всё ли сделано. К обеду она уже распрямила плечи. Валя заметила, как мать иногда останавливалась посреди двора, поднимала лицо к солнцу и просто стояла, закрыв глаза. Несколько минут. Без дела. Это было так непривычно, что Валя в начале даже пугалась. Но потом однажды сама попробовала сделать то же самое, и это ей очень понравилось!

Девочки и младшие ребята как всегда работали с утра до вечера — высаживали овощи на огороде, носили воду, кормили скотину, готовили еду. Но теперь никто не стоял над душой с тяжёлым взглядом. Никто не рычал, если ведро поставили чуть громче обычного. Можно было тихо напевать псалмы, которые слышали в церкви. Можно было на минуту присесть в тени тополя и просто посмотреть на степь.

Валя любила эти минуты больше всего.

На третий день она впервые за долгое время почувствовала, как внутри немного отпускает. Утром они с Лизой и младшей сестрёнкой по сложившейся привычке пошли в сарай все вместе. С тех пор как она придумала везде ходить с младшими, а особенно после того, как старший брат женился и уехал из дома, Валя больше не оглядывалась испуганно через плечо. Сарай пах обычным сеном, пылью и теплом животных. Никаких теней. Никаких тяжёлых шагов за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.